

Имя автора будет оглашено в Итоговом протоколе конкурса.

* * *

Небес копченный потолок.
След ледяной от самолета.
Туманы с ближнего болота
холодный ветер приволок.

Темнеет быстро. Ближний свет
остатки солнечного гонит.
Столбы, дорожные изгои,
вот-вот шагнут через кювет.

У тёмной ночи нет сторон,
а лишь тропа, фонарь и посох,
и всякий космос на колесах
к ним до утра приговорён.

Пока земные звезды злят,

роняет пепел сигарета,
и встречный щурится от света,
не останавливая взгляд,

Тьма обволакивает путь,
и, как в сосуде кровеносном,
артериальным и венозным
потокам некуда свернуть.

Они, сбегая в два конца,
боками трутся друг о друга.
Дорога движется, как fuga
непревзойденного творца.

Иные скажут, мол, дурак,
о том бродяге-трассотерпце.
Зачем стремиться в это сердце,
что снова вытолкнет во мрак?

А он не слышит болтовни
и помнит свой восторг и трепет,
когда в конце его облепят
большого города огни.

* * *

Если мне на мой десятый оказался занят лифт,
я не чувствую досады, хладнокровен, терпелив.
Шаг за шагом по ступеням, в пять минут по этажу,
с любопытством и сопеньем потихоньку восхожу.

Эти лестницы вобрали сто идей и сто картин,
философские спирали и примятый серпантин.
Эти ящики Пандоры, эта скрытая среда -
лишь сантехники да воры знают правду иногда.

Равнодушно и без злобы на прогулочную блажь
смотрят плоские циклопы, по четыре на этаж.
Прежде слепо доверяли, а теперь всё по-людски:
повелось дружить дверями, через зоркие глазки.

Речи слышатся в подъезде грозной музыкою сфер -
это выпили по двести Цицерон и Демосфен.
Постигают мир из дома и всегда убеждены,
что поверхностная догма лучше ложной глубины.

Вдоль торжественных событий, мимо детской чехарды,
мимо будничных соитий, сновидений и еды.
По жилому захолустью мимо, мимо, только лишь
догоняет острой грустью запах старческих жилищ.

В закутке перед десятым заповедные места -
здесь полуночным десантом оседает нищета,
да опять сосед-придурок, алкоголик и аскет,
непотушенный окурок бросил в мусорный пакет.

Онемела месса Баха, поднебесные смычки.
Одинокая собака заскулила от тоски.
Всем пока, «буэнос ночес» галерее типажей,
пирамиде одиночеств ростом в десять этажей.

Как взойду я той пустыней, так возвышусь, одолев
и тщеславие с гордыней, и уныние, и гнев.
Стану мудрый, стану чистый, сам себя преобразив,
как другие альпинисты, Моисей или Сизиф.

Чтоб увидеть и услышать ойкумену целиком,
До убежища под крышей хорошо дойти пешком.
Здесь на стенке кем-то мудрым нацарапан Иисус,
и отсюда ранним утром я на лифте унесусь.

* * *

В час, когда нет занятий существенней,
между делом возьми соверши
непредвиденное путешествие
по приюту бессмертной души.

В этот сумрак, густой и таинственный,
осторожно иди, точно гость.
Может будет совсем не до истины,
лишь бы выбраться удалось.

Но уйти от себя не получится.
Тщетна тяга в усталом рабе:
за себя вне себя он поручится,
но в себе ему не по себе.

И тогда тебе голос послышится
с разговором, похожим на блеф:
за раскаянье всё тебе спишется,
а излечишься лишь заболев.

Спросишь: лечит ли крест с полумесяцем,
или облик святого святей,
если как ни вмещай - не уместится
боль за всех стариков и детей?

А тебе с благородными целями
и сакральными "можно-нельзя" -
есть аптечка с тремя панацеями:
подорожник, земля и слеза.

Тут появится, в латы закованный,
в медной шапке и трех свитерах,
твой неистовый, неистолкованный,
ископаемый дедушка страх.

Видишь ты - существо неуклюжее,
то ли жалкое, то ли смешит,
и в руках у него из оружия
боевой окровавленный щит.

И душа твоя чем ни покажется -
самобранка, копилка, сума -
иногда окрыляет от тяжести,
а от легкости сводит с ума.

Сгладить чувство, еще не ушедшее -
уголок есть, цветами обвит.
Можно там, на зеленой кушеточке
посидеть, помолчать о любви.

Быть фатальными или витальными -
мука выбора в каждом своя.
А чем чаще ты к богу с деталями,
тем примернее епитимья.

Дорогие российские авторы!
Теперь Вы можете легко оказать дружескую помощь нашему portalу.

[Олег Битинский - ПР. СЕРГЕИИ](#)

СП

[Виктор \(Битинский\) - ПР. СЕРГЕИИ](#)